

Валътер
Бенъямин

Бодлер

Вальтер Беньямин

Бодлер

«Ад Маргинем Пресс»

УДК 821.09(4)"19"
ББК 83.3(4)6

Беньямин В.

Бодлер / В. Беньямин — «Ад Маргинем Пресс»,

ISBN 978-5-91103-227-2

В настоящем издании впервые собраны все тексты Вальтера Беньямина о Шарле Бодлере – ключевом персонаже в творчестве немецкого мыслителя. Бодлер для Беньямина – главный герой театра «модерна», сквозь фигуру которого, как сквозь призму, просвечивает сеть беньяминовских понятий-метафор, раскрывающих особенности культуры XIX века: фланер, аллегория, сплин, богема, проститутка, буржуа, мода, толпа и т. д. Именно в цикле эссе о Бодлере Беньямин формулирует ключевые идеи собственной культурно-исторической антропологии, оказавшей огромное влияние на современные представления о культуре. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.09(4)"19"

ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-91103-227-2

© Беньямин В.
© Ад Маргинем Пресс

Содержание

Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма	6
Часть I. Париж времен Второй империи[1] у Бодлера	6
Глава 1. Богема	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вальтер Беньямин Бодлер

© С. Ромашко, перевод, 2015

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation,
2015

Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма

Часть I. Париж времен Второй империи¹ у Бодлера

Une capitale n'est pas absolument nécessaire à l'homme.
Senancour

[*Столица не так уж необходима для человека.*
Сенанкур]

Глава 1. Богема

Примечателен контекст, в котором богема упоминается у Маркса. Он причисляет к ней профессиональных революционеров-заговорщиков, о которых рассуждает в подробном анонсе мемуаров де ля Одца, полицейского агента, опубликованном в 1850 году в «Новой рейнской газете». Наглядно представить себе физиономию Бодлера – значит затронуть сходство, которое он обнаруживает с этим политическим типажом. Маркс описывает его следующим образом: «Подготовка пролетарских заговоров потребовала разделения труда; их участники делились на заговорщиков-любителей, *conspirateurs d'occasion*, т. е. рабочих, предававшихся этому лишь наряду с прочими своими занятиями, что посещали лишь собрания и пребывали в готовности по приказу главарей явиться к месту сбора, и профессиональных конспираторов, целиком посвятивших себя заговорщицкой деятельности и сделавших ее источником своего существования <...>. Жизненная ситуация этого класса изначально определяет весь его характер <...>. Его неустойчивое существование, в частности более зависящее от случая, чем от его деятельности, его неустроенная жизнь, единственными надежными точками в которой оказываются питейные заведения – места встречи участников заговора, его неизбежные знакомства с разного рода сомнительными людьми определяют этот класс в ту жизненную сферу, которая в Париже именуется *la bohème* [богемой]^{2»}³.

Кстати, следует заметить, что Наполеон III сам начинал восхождение к власти в среде, сообщающейся с только что обрисованной. Как известно, одним из инструментов его президентской власти было Общество 10-го декабря, членов которого, по словам Маркса, составляла «вся та неопределенная, не имеющая границ, постоянно колеблющаяся масса, которую французы именуют *la bohème*»⁴.

В период императорского правления Наполеон III продолжал оттачивать свои конспиративные наклонности. Непредсказуемые заявления и навязчивое стремление все засекретить, резкие эксцессы и непроницаемая ирония неотделимы от стиля государственной жизни Вто-

¹ Вторая империя – во Франции время правления императора Наполеона III (1852–1870), добившегося сначала (в 1848) избрания себя президентом, а затем совершившего в декабре 1851 г. государственный переворот. – *Примечание Александра Белобратова.*

² Прудон, желая отмежеваться от профессиональных заговорщиков, иногда называл себя «новым человеком – человеком, делом которого является не баррикада, а дискуссия; человеком, который каждый вечер мог бы проводить в обществе комиссара полиции и мог бы привлечь на свою сторону всех де ля оддов мира» (цит. по: Gustave Geffroy: *L'enfermé*. Paris, 1897. P. 180–181).

³ Karl Marx und Friedrich Engels. *Besprechung von Adolphe Chenu. Les conspirateurs*. Paris 1850, und Lucien de la Hodde. *La naissance de la République en février 1848*. Paris, 1850. Cit. nach: *Die Neue Zeit* 4 (1886). S. 555.

⁴ Marx K. *Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*. Neue ergänzte ausgabe mit einem Vorwort von F. Engels. Hrsg. und eingeleitet von D. Rjazanov. Wien – Berlin, 1927. S. 73.

рой империи. Те же черты обнаруживаются в теоретических сочинениях Бодлера. Он излагает свои взгляды по большей части безапелляционно. Дискуссия – не его дело. Он избегает ее даже тогда, когда резкое противоречие между положениями, выдвигаемыми им одно за другим, требовало бы обсуждения. «Салон 1846 года» он посвящает «буржуа», выступая их апологетом, и при этом вовсе не в качестве *advocatus diaboli* [лат. адвокат дьявола, здесь: придиричивый критик, обвинитель]. Позднее, например, в своих выпадах против школы *bon sens* [здорового смысла], он характеризует «*honnêté bourgeoise*» [добропорядочных буржуа] и почитаемого ими нотариуса в тоне самого ожесточенного представителя богемы⁵.

В 1850 году он заявляет, что искусство неотделимо от полезности; немного позднее он переходит на позиции *l'art pour l'art* [искусства для искусства]. И при всем том его столь же мало заботит понимание со стороны публики, как и Наполеона III, когда тот почти внезапно и к тому же за спиной французского парламента переходит от заградительных пошлин к свободной торговле. По крайней мере, эти особенности объясняют, почему официальная критика – и прежде всего Жюль Леметр⁶ – так мало ощущала теоретическую энергию, скрытую в прозе Бодлера.

Маркс продолжает характеристику *conspirateurs de profession* [профессиональных заговорщиков] следующим образом: «Единственное условие революции для них – удачная организация затеваемого ими заговора <...>. Они падки до изобретений, обещающих революционные чудеса: зажигательные бомбы, сверхъестественные разрушительные машины, покушения, действие которых тем непостижимее и удивительнее, чем менее рационального лежит в их основании. Занятые подобным прожектерством, они не преследуют никакой иной цели, кроме ближайшей – свержения существующего правительства, – и полны глубочайшего презрения к теоретическому просвещению рабочих относительно их классовых интересов. Отсюда их не пролетарская, а плебейская злоба к *habits noirs* [черным сюртукам], к более или менее образованным людям, представляющим эту сторону движения, от которых они, однако, как от официальных представителей партии, никогда не могут стать совершенно независимыми»⁷.

Политические воззрения Бодлера в принципе никогда не оказывались шире взглядов этих профессиональных заговорщиков. Обращены ли его симпатии к клерикальной реакции или к восстанию 1848 года – их проявление остается невнятным, а фундамент шатким. Зрелище, которое он представлял в дни февральских событий, размахивая на каком-то из парижских перекрестков ружьем и выкрикивая: «Долой генерала Опики!»⁸ – достаточное тому доказательство. Во всяком случае, слова Флобера: «Из всей политики я понимаю только одно: мятеж» – вполне могли быть его собственными. Понимать это надо было бы в том смысле, как об этом говорится в заключительных строках заметки, сохранившейся вместе с его планами относительно Бельгии: «Я говорю: „Да здравствует революция!“», как если бы я сказал: „Да здравствует разрушение! Да здравствует покаяние! Да здравствует кара! Да здравствует смерть!“ Я был бы счастлив не только как жертва, от роли палача я бы тоже не отказался – чтобы ощутить революцию с обеих сторон! У всех у нас республиканский дух в крови, как сифилис – в костях; мы заражены демократией и сифилисом»⁹.

Высказывания Бодлера можно было назвать метафизикой провокатора. В Бельгии, где были написаны эти заметки, его некоторое время считали агентом французской полиции. Сами по себе подобные случаи мало кого могли удивить, поэтому Бодлер писал 20 декабря 1854

⁵ Charles Baudelaire. Oeuvres. Texte établi et annoté par Y. – G. Le Dantec. T. 1–2. Paris, 1931–32 (Bibliothèque de la Pléiade. 1; 7). II. P. 415. [В дальнейшем тексты Бодлера цитируются по этому изданию с указанием лишь тома и страницы.]

⁶ Леметр, Жюль (1853–1914) – французский литературный критик, эссеист. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁷ Генерал Опики был отчимом Бодлера.

⁸ Marx und Engels. Bespr. von Chenu und de la Hodde, op. cit. S. 556.

⁹ II. P. 728.

года своей матери по поводу литераторов на полицейском содержании: «Никогда мое имя не появится в их позорном списке»¹⁰.

Подозрение, павшее на него в Бельгии, вряд ли объясняется одной только враждебностью, проявленной им по отношению к Гюго, восторженно встреченному там изгнаннику. Причастна к возникновению этого слуха была и его разрушительная ирония; он с легкостью мог бы испытать наслаждение, сам распространяя этот слух. Первые завязи *culte de la blague* [культы издевки], обнаруживающегося у Жоржа Сореля¹¹ и ставшего неотъемлемой принадлежностью фашистской пропаганды, образуются у Бодлера. И заглавие, и дух «*Bagatelles pour un massacre*» [«Безделушек для погрома»] Селина¹² непосредственно восходят к одной из дневниковых записей Бодлера: «Прекрасный заговор можно было бы устроить для искоренения еврейского племени»¹³.

Бланкист Риго, завершивший свою карьеру конспиратора на посту начальника полиции Парижской коммуны, обладал, похоже, тем же мрачным юмором, о котором часто упоминают знавшие Бодлера. Как сообщает Ш. Пролес в книге «*Hommes de la révolution de 1871*» [«Деятели революции 1871 года»]: «Риго во всех ситуациях наряду с хладнокровием проявлял нечто от юмора висельников. Без этого он не обходился, при всем своем фанатизме»¹⁴.

Даже фантазии террористов, обнаруживаемые Марксом у конспираторов, были не чужды Бодлеру. «Если я, – пишет он 23 декабря 1865 года своей матери, – когда-либо вновь обрету силу и энергию, как это мне несколько раз удавалось, то я дам волю своему гневу в книгах, сеющих ужас. Весь род человеческий восстановлю я против себя. Я бы испытал от этого наслаждение, которое возместило бы мне все»¹⁵.

Эта ожесточенная ярость – *la rogne* – была тем чувством, которое полвека питало парижских конспираторов в баррикадных боях.

«Именно они, – утверждает Маркс об этих заговорщиках, – возводят первые баррикады и становятся командирами»¹⁶.

В самом деле, в фокусе конспиративного движения находится баррикада. У нее своя революционная традиция. Во время Июльской революции город покрыли более четырех тысяч баррикад¹⁷.

Когда Фурье¹⁸ понадобился пример *travail non salarié mais passionné* [неоплачиваемой, но делаемой со страстью работы], то он не нашел ничего более подходящего, чем строительство баррикад. Гюго в «Отверженных» ярко описал сеть этих баррикад, оставив в тени их защитников. «Невидимый дозор мятежа бодрствовал всюду и поддерживал порядок, то есть ночной мрак <...>. Око, взиравшее с высоты на этот сгусток тьмы, быть может, уловило бы там и сям мерцавший свет, подобный огонькам, блуждающим среди развалин; этот свет выхватывал из

¹⁰ Baudelaire. Lettre à sa mère. Paris, 1932. P. 83.

¹¹ Сорель, Жорж (1847–1922) – французский философ, теоретик анархо-синдикализма, выступал с учением о мифе как мировосприятии любой социальной группы и с восхвалением насилия как движущей силы истории. – *Примечание Александра Белобратова.*

¹² Селин (Детуш), Луи Фердинанд (1894–1961) – французский писатель, автор знаменитого романа «Путешествие на край ночи» (1932). В памфлетах 1936–1941 гг. проповедовал нацизм, культ силы и антисемитизм. – *Примечание Александра Белобратова.*

¹³ Ш. Р. 666.

¹⁴ Charles Prolos. Raoul Rigault. La préfecture de police sous la Commune. Les otages. (Les hommes de la révolution de 1871.) Paris, 1898, 9.

¹⁵ Baudelaire. Lettres à sa mère, op. cit. P. 278.

¹⁶ Marx und Engels, Bespr. von Chenu und de la Hodde, op. cit. S. 556.

¹⁷ Ajasson de Grandsagne, Maurice Plaut. Révolution de 1830. Plan des combats de Paris aux 27, 28 et 29 juillet. Paris, s. a.

¹⁸ Фурье, Шарль (1772–1837) – французский социалист, критик современной ему «цивилизации» и автор нового устройства будущего общества, в основе которого – «фаланга», ячейка, сочетающая промышленное и сельскохозяйственное производство. – *Примечание Александра Белобратова.*

мрака ломаные, причудливые линии, очертания странных сооружений: то были баррикады»¹⁹.
(Перевод К. Локса)

В оставшемся незаконченным обращении к Парижу, которое должно было завершить «Цветы зла», Бодлер не может распрощаться с городом, не помянув его баррикад; он говорит о «магических булыжниках, вздымающихся ввысь твердынями»²⁰.

Правда, «магическими» эти булыжники стали у Бодлера, потому что ему были неведомы те руки, что их громоздили. Однако именно этот пафос был, возможно, вдохновлен бланкизмом. Сходным образом бланкист Тридон восклицает: «O force, reine des barricades <...>, toi qui brilles dans l'éclair et dans l'émeute <...>, c'est vers toi que les prisonniers tendent leurs mains enchaînées». [«О сила, царица баррикад <...>, ты, блистающая как молния в порыве мятежа <...>, к тебе узники воздевают руки, закованные в кандалы»].²¹

В последние дни Коммуны пролетариат уполз за баррикады, словно раненый зверь в свою нору. Одной из причин поражения Коммуны стало то, что рабочие, привычные к баррикадным боям, не могли решиться на открытое сражение, необходимое для того, чтобы остановить Тьера. Эти рабочие, как пишет один из недавних историков Коммуны, предпочитали «встрече в чистом поле бой в своем квартале <...> и, если придется, смерть за булыжной баррикадой одной из парижских улиц»²².

Самый главный из парижских баррикадных командиров, Бланки²³, сидел тогда в своей последней тюрьме, в форте Торо. В нем и в его товарищах видел Маркс, вспоминая Июньскую революцию, «подлинных вождей пролетарской партии»²⁴.

Невозможно, пожалуй, переоценить революционный авторитет, которым пользовался тогда Бланки, сохранив его до самой смерти. Пожалуй, только Ленин был единственным после Бланки, чьи черты пролетариат хранил с такой ясностью. Запомнились они и Бодлеру. На одном из листков сохранились его беглые зарисовки, среди которых есть и профиль Бланки. Понятия, используемые Марксом в характеристике парижской среды конспираторов, впервые позволяют выявить двойственное положение, которое занимал в ней Бланки. С одной стороны, за Бланки не без оснований закрепилась слава путчиста. Он предстает политиком того типа, который, как говорил Маркс, считает своей задачей «упредить процесс революционного развития, искусственно довести его до критической точки, вызвать революцию, импровизируя, не создавая для нее предпосылок»²⁵.

Если противопоставить этому сохранившиеся описания Бланки, то он предстает скорее одним из *habits noirs*, конкурировавших с профессиональными конспираторами. Вот как описывает один из очевидцев бланкистский клуб Парижского центрального рынка: «Чтобы получить точное представление о впечатлении, которое сразу же производил бланкистский клуб – в отличие от двух клубов, которые принадлежали тогда... партии порядка, лучше всего вообразить себе публику „Комеди Франсез“ в тот день, когда играют Расина и Корнеля, и для контраста – толпу простонародья, заполняющую цирк, в котором акробаты выполняют головокружительные трюки. Пришедший оказывался словно в храме, в котором совершается ортодоксальный обряд конспирации. Двери были открыты для каждого, но вновь приходили лишь

¹⁹ Victor Hugo. Oeuvres complètes. T. 8: Les misérables. IV. Paris, 1881. P. 522–523.

²⁰ I. P. 229.

²¹ Цит. по: Charles Benoist. La crise de l'état moderne. Le «mythe» de «la classe ouvrière». // Revue des deux mondes, 84e année, 6e période, t. 20, 1er mars 1914. P. 105.

²² Georges Laronze. Histoire de la Commune de 1871 d'après des documents et des souvenirs inédits. La justice. Paris, 1928. P. 532.

²³ Бланки, Луи Огюст (1805–1881) – французский коммунист-утопист, руководитель тайных республиканских обществ. Успех социальной революции связывал с заговором организации революционеров. – *Примечание Александра Белобратова.*

²⁴ Marx K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, op. cit. P. 28.

²⁵ Marx und Engels, Bespr. von Chenu und de la Hodde, op. cit. S. 556.

те, кто стали адептами. После удручающего шествия угнетенных <...> поднимался жрец святилища. Предполагалось, что ему предстоит резюмировать жалобы его клиентов, народа, представленного полудюжиной самонадеянных и раздраженных олухов, только что выслушанных. На деле же он давал характеристику ситуации. Его внешность была отменной, одеяние – безупречным, черты лица – утонченными, выражение лица – спокойным, лишь изредка угрожающая, дикая молния проскальзывала в его глазах. Они были маленькие, узкие и пронзительные, обыкновенно взгляд их был скорее дружелюбным, чем жестким. Его речь была размеренной, отечески наставляющей и ясной; из всего, что я когда-либо слышал, эта речь менее всего походила на декламацию, в этом ее можно было сравнить разве что с речью Тьера²⁶,²⁷.

Бланки предстает в этом описании доктринером. Аксессуары *habits noirs* подтверждаются вплоть до мелочей. Известно, что «старик» обычно вещал, не снимая черных перчаток²⁸.

Однако степенная серьезность, непроницаемость, свойственные Бланки, предстают в совершенно ином свете из-за одного замечания Маркса. «Они представляют собой, – пишет он об этих профессиональных заговорщиках, – алхимиков революции и полностью разделяют с прежними алхимиками путаницу в идеях и ограниченность, происходящую от навязчивых представлений»²⁹.

В результате портрет Бодлера складывается словно сам собой: копание в загадочности аллегорий у Бодлера означает то же самое, что склонность к таинственности у заговорщиков.

Презрительно – иного, впрочем, ожидать и не приходится – высказывается Маркс о питейных заведениях, в которых конспиратор невысокого полета чувствовал себя как дома. Винные пары, которые там клубились, были знакомы и Бодлеру. В этих испарениях родилось великое стихотворение, озаглавленное «*Le vin des chiffonniers*» [«Вино тряпичников»]. Датируется оно, по-видимому, серединой столетия. Именно тогда мотивы, звучащие в нем, обсуждались в обществе. Во-первых, речь шла о винном налоге. Конституционное собрание республики пообещало его отменить, как, впрочем, это было обещано еще в 1830 году. В «Классовой борьбе во Франции» Маркс показал, как в выступлениях за отмену этого налога требования городского пролетариата сошлись с требованиями крестьянства. Налог, которым столовое вино облагалось по той же ставке, что и самые изысканные вина, сокращал потребление, «возводя у ворот всех городов с числом жителей более 4000 кордоны и обращая каждый город в заграницу с заградительными таможенными тарифами против французского вина»³⁰.

Как пишет Маркс, «винный налог давал крестьянину возможность попробовать правительственный букет». Однако налог вредил и горожанину и принуждал его в поисках дешевого вина отправляться в пригородные заведения. Там подавали беспрошльное вино, которое называли *vin de la barrière* [вино за стеной]. Если верить начальнику отдела полицейского управления Фрежье, рабочие гордо и дерзко показывали, что пить – для них удовольствие, к тому же единственное им доступное. «Есть женщины, не смущающиеся тем, чтобы с детьми, уже достигшими трудового возраста, следовать за своими мужьями к *barrière* <...>. После этого они, полупьяные, отправляются домой, прикидываясь более пьяными, чем на самом деле, чтобы все видели, что они выпили, и немало. Порой дети подражают в этом родителям»³¹.

²⁶ Тьер, Луи Адольф (1797–1877) – французский историк и государственный деятель, возглавивший жестокое подавление Парижской коммуны в 1871 г. – *Примечание Александра Белобратова*.

²⁷ Сообщение Ж. Ж. Вейса, цит. по: Gustave Geffroy. *L'énfermé*, op. cit. P. 346–348.

²⁸ Бодлер умел ценить подобные детали. «Почему, – писал он, – бедняки не надевают перчаток, прося милостыню? Они нажили бы состояние» (II. P. 424). Он приписывает эти слова некоему анониму, однако на них лежит печать Бодлера.

²⁹ Marx und Engels. *Bespr. von Chenu und de la Hodde*, op. cit. S. 556.

³⁰ Marx. *Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850*. Abdruck aus der «Neuen Rheinischen Zeitung», Hamburg, 1850. Mit Einleitung von F. Engels. Berlin, 1895. S. 8 7.

³¹ H.-A. Fréquier. *Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures*. Paris, 1840. T. I. P. 86.

«Во всяком случае, ясно, – пишет один из современников, – что вино *barrière* избавило государственную структуру от немалого количества потрясений»³².

Вино открывает обездоленным возможность мечтать о грядущей мести и грядущем упоении. О том речь и в «Вине тряпичников»:

On voit un chiffonnier qui vient, hochant la tête,
Buttant, et se cognant aux murs comme un poète,
Et, sans prendre souci des mouchards, ses sujets,
Epanche tout son сœur en glorieux projets.
Il prête des serments, dicte des lois sublimes,
Terrasse les méchants, relève les victimes,
Et sous le firmament comme un dais suspendu
S'enivre des splendeurs de sa propre vertu³³.

[Тряпичник шествует, качая головой,
На стену, как поэт, путь направляя свой;
Пускай вокруг снуют в ночных тенях шпионы,
Он полон планами; он мудрые законы
Диктует царственно, он речи говорит;
Любовь к поверженным, гнев к сильным в нем горит:
Так под шатром небес он, радостный и бравый,
Проходит, упоен своей великой славой.

(Перевод Эллиса)

Тряпичники во множестве появились в городах после того, как благодаря новой индустриальной технологии отбросы приобрели некоторую ценность. Они работали на посредников, представляя собой своего рода надомную индустрию, рассеянную по улицам. Старьевщик завораживал свою эпоху. Первые исследователи пауперизма не могли оторвать от него глаз, в которых звучал немой вопрос: где границы человеческой нищеты? Фрежье посвящает ему в своей книге «*Des classes dangereuses de la population*» [«Опасные классы населения»] шесть страниц. Ле Плей приводит бюджет парижского старьевщика и его семейства в 1849–1850 годах, возможно, как раз тогда, когда возникло стихотворение Бодлера³⁴.

³² Edouard Foucaud. *Paris inventeur. Physiologie de l'industrie française*. Paris, 1844. P. 10.

³³ I. P. 120.

³⁴ Этот бюджет представляет собой социальный документ не только благодаря данным, полученным в результате наблюдений над одной семьей, но и в силу попытки сделать глубочайшую нищету менее кричащей, самым тщательным образом разбивая ее на соответствующие рубрики. Тщеславием, не оставлявшим ни одно из своих бесчеловечных проявлений без соответствующего параграфа, уважение к которому отражается в них, тоталитарные государства вызывали цветение ростка, дремавшего, как можно в связи с этим предположить, уже в ранних стадиях капитализма. Четвертый раздел бюджета старьевщика – «Культурные потребности, развлечения и гигиена» – выглядит следующим образом: «Образование детей: школа оплачивается работодателем – 48 франков; покупка книг – 1.45 фр. Помощь и подаяния (рабочие этого слоя обычно не получают никому). Праздники и торжества: обеды семьи в одном из пригородов Парижа (8 раз в год): вино, хлеб и жареная картошка – 8 фр.; обеды из макарон, приправленных маслом и сыром, с вином, в Рождество, на Масленицу, на Пасху и Троицу: расходы отнесены к первому разделу; жевательный табак для мужа (собираемые самим рабочим недокуренные сигары) – в размере от 5 до 34 фр.; нюхательный табак для жены (покупается) <...> 18, 66 фр.; игрушки и другие подарки ребенку – 1 фр. <...> переписка с родными: письма братьев рабочего, живущих в Италии: в среднем одно в год <...> Дополнение. Важнейшая статья доходов семьи при несчастных случаях – частная благотворительность. Ежегодные накопления (у рабочего нет накоплений на будущее; его прежде всего заботит, чтобы обеспечить свою жену и дочь всем, что только возможно в его положении; он ничего не откладывает, проживая день за днем все, что зарабатывает)». (Frédéric Le Play. *Les ouvriers européens*. Paris, 1855. P. 274–275.) Дух подобных исследований иллюстрирует саркастическое замечание Бюре: «Поскольку человечность, да и просто приличие не допускает, чтобы людям давали умереть подобно скотам, то в благодеянии пожертвованного гроба отказать»

Естественно, старьевщика нельзя причислить к богеме. Однако всякий принадлежавший к богеме, от литератора до профессионального заговорщика, мог найти в старьевщике что-то родственное. Каждый из них ощущал в себе более или менее смутное возмущение против общества. И завтрашний день для них представлялся достаточно проблематичным. Временами их чувства были на стороне тех, кто покушался на устои этого общества. В этих видениях старьевщик был не одинок. Его сопровождают приятели, от них тоже разит винным духом, и они тоже поседели в битвах. Его усы обвисли, как старый флаг. На улицах города он встречает *mouchards* [шпики], с которыми расправляется в своих грезах³⁵.

При этом со всей ясностью обнаруживается, как строфа обретает стройные очертания лишь вместе с кощунственным содержанием.

Социальные мотивы парижского быта можно встретить уже у Сент-Бёва³⁶. У него они были достижением лирической поэзии, но достижением познания от этого они еще не стали. В представлениях образованного и материально независимого человека нищета и алкоголь находят существенно иной контекст, нежели у Бодлера.

Dans ce cabriolet de place l'examine
L'homme qui me conduit, qui n'est plus que machine,
Hidoux, a barbe épaisse, a longs cheveux collés:
Vice et vin et sommeil chargent ses yeux soulés.
Comment l'homme peut-il ainsi tomber? pensais-je,
Et je me reculais à l'autre coin du siège³⁷.

[Я сел в кабриолет с возницей бородатым
И принялся следить за этим автоматом:
Уродлив, грязен, туп, взлохмачен, и притом
Как затуманен взгляд пороком и вином!
И думал я, садясь подальше от возницы:
Как может человек так низко опуститься?

(Перевод М. Яснова)]

Это начало стихотворения, далее – нравоучительное толкование. Сент-Бёв задается вопросом, не оказывается ли его душа столь же бесприютной, как и душа извозчика.

им никак невозможно». (Eugene Bure. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France; de la nature de la misère, de son existence, de ses effets, de ses causes, et de l'insuffisance des remèdes qu'on lui a opposés jusqu'ici; avec l'indication des moyens propres à en affranchir les sociétés. Paris, 1840, T. I. P. 266.)

³⁵ Занимательно проследить, как мятежный настрой постепенно пробивает себе дорогу в различных редакциях заключительных строк стихотворения. В первой редакции они звучат следующим образом: C'est ainsi que le vin règne par ses bienfaits, Et chante ses exploits par le gosier de l'homme. Grandeur de la bonté de Celui que tout nomme, Qui nous avait déjà donné le doux sommeil, Et voulut ajouter le Vin, fils du Soleil, Pour réchauffer le coeur et calmer la souffrance De tous ces malheureux qui meurent en silence. (I. P. 605) В 1852 году они звучали так: Pour apaiser le coeur et calmer la souffrance De tous ces innocents qui meurent en silence, Dieu leur avait déjà donné le doux sommeil; Il ajouta le vin, fils sacré du Soleil. (I. P. 606) Наконец, после существенного изменения смысла, они приобрели в 1857 году следующий вид: Pour noyer la rancœur et bercer l'indolence De tous ces vieux maudits qui meurent en silence, Dieu, touché de remords, avait fait le sommeil; L'Homme ajouta le Vin, fils sacré du Soleil! (I. P. 121) [Чтоб усыпить тоску, чтоб скуку утолить, Чтоб в грудь отверженца луч радости пролить, Бог создал сон; Вино ты, человек, прибавил И сына Солнца в нем священного прославил! (Перевод Эллиса)]

³⁶ Сент-Бёв, Шарль Огюстен (1804–1869) – французский литературный критик, сторонник биографического метода в изучении литературы. – *Примечание Александра Белобратова.*

³⁷ Ch. A. Sainte-Beuve. Les consolations. Pensées d'août. Notes et sonnets – un dernier rêve. (Poésies de Sainte-Beuve, 2e partie.) Paris, 1863. P. 193.

Какова основа более свободного и полного понимания, которое встречали обездоленные у Бодлера, показывает литания «Авель и Каин». Она превращает библейское противостояние двух братьев во вражду двух непримиримых человеческих пород:

Race d'Abel, dors, bois et mange;
Dieu te sourit complaisamment.
Race de Caïn, dans la fange
Rampe et meurs misérablement³⁸.

[Сын Авеля, дремли, питайся;
К тебе склонён с улыбкой Бог.
Сын Каина, в грязи валяйся,
Свой испустив предсмертный вздох.

(Перевод Н. Гумилева)]

Стихотворение состоит из шестнадцати двустиший, начинающихся с противопоставления, как и приведенные выше. Каин, прародитель обездоленных, предстает в нем основателем рода, который иначе как пролетарским назвать нельзя. В 1838 году Гранье де Кассаньяк опубликовал свою «Histoire des classes ouvriers et des classes bourgeoises» [«История класса рабочих и класса буржуа»]. В этой книге автор считал, что обнаружил происхождение пролетариата: речь идет о породе недочеловеков, возникших от скрещивания разбойников и проституток. Знал ли Бодлер об этих рассуждениях? Вполне возможно. Наверняка известно, что с ними был знаком Маркс, увидевший в Гранье де Кассаньяке «мыслителя» бонапартистской реакции. На его расовую теорию «Капитал» откликнулся изобретением понятия «породы владельцев своего образного товара»³⁹, под которой понимается пролетариат. Именно таким предстает у Бодлера род, ведущий свое начало от Каина. Ему, правда, не удалось дать определение этому роду. Это порода тех, кто не обладает никаким другим товаром, кроме своей рабочей силы.

Это стихотворение Бодлера входит в цикл, озаглавленный «Мятеж»⁴⁰.

Три произведения, его составляющие, объединяются общим богохульным настроением. Сатанизм Бодлера не следует принимать слишком всерьез. Если он и обладает каким-либо значением, то лишь как единственная поза, которая позволяла Бодлеру протяженное время занимать позицию нонконформиста. Завершающее стихотворение цикла, «Литания Сатане», по своему теологическому содержанию представляет собой miserere [лат. помилуй] офитической⁴¹ литургии. Сатана предстает в люциферовом ореоле: как хранитель глубокого знания, как

³⁸ I. P. 136.

³⁹ Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Ungekürzte Ausgabe nach der 2. Aufl. von 1872. Bd. 1. Berlin, 1932. S. 173.

⁴⁰ За заглавием следует примечание, опущенное в более поздних изданиях. Оно выдает стихотворения цикла за искусное подражание «софизмам невежества и ярости». В действительности о подражании не может быть и речи. Судебные власти Второй империи понимали это, как ясно это и их наследникам. С большой беспечностью выдает подобное понимание барон Сейер в своей интерпретации стихотворения, открывающего цикл «Мятеж». Оно называется «Le reniement de Saint Pierre» [«Отречение святого Петра»] и содержит строки: Rêvais-tu de ces jours... Où, le coeur tout gonflé d'espoir et de vaillance, Tu fouettais tous ces vils marchands à tour de bras, Où tu fus maître enfin? Le remords n'a-t-il pas Pénétré dans ton flanc plus avant que la lance? (I. P. 136) [Ужель не вспомнил ты... Как торгашей бичом из храма гнал когда-то И вел людей к добру, бесстрашен и велик? Не обожгло тебя Раскаянье в тот миг, Опередив копье наемного солдата? (Перевод В. Левика)] В этом remords [раскаянье] ироничный истолкователь усматривает упрек Бодлера самому себе в том, что «такая благоприятная возможность установления диктатуры пролетариата была упущена» (Ernest Seillière. Baudelaire. Paris, 1931. P. 193).

⁴¹ Офитическая литургия – литургия одной из офитических (от греч. ὄφις «змея») гностических сект. Члены этих сект считали бога Иегову Ветхого Завета всего лишь демиургом, подчиненным божеством, сотворившим материальный мир. Они придавали особое значение змею из Книги Бытия, так как именно он дал людям знание добра и зла, которое Иегова от них скрывал. Таким образом, змей считается истинным освободителем человека, так как именно он научил человека не повинно-

наставник прометеевых искусств, как покровитель упрямых и непокорных. Меж строк мелькает мрачный облик Бланки.

Toi qui fais au proscrit ce regard calme et haut
Qui damne tout un peuple autour d'un échafaud⁴².

[Ты, осужденному дающий взор холодный,
Чтоб с эшафота суд изречь толпе народной!]

(Перевод Эллиса)]

Этот Сатана, в цепочке обращений появляющийся также как «исповедник <...> заговорщиков», совсем не тот адский интриган, которого стихи именуют Сатаной Трисмегистом, демоном, а прозаические тексты – его высочеством, подземное обиталище которого располагается неподалеку от бульваров. Леметр обратил внимание на несоответствие, из-за которого дьявол у Бодлера оказывается «то прародителем всякого зла, то, в то же самое время, великим поверженным, великой жертвой»⁴³.

Проблему можно представить и иначе, если задаться вопросом, что принуждало Бодлера придавать своему радикальному отречению от господствующего класса радикально-теологическую форму.

Протест против буржуазных понятий порядка и благопристойности сохранился после поражения пролетариата в июньских боях у господствующего класса лучше, чем у угнетенных. Сторонники свободы и права видели в Наполеоне III не императора-солдата, каким тот хотел быть, выступая наследником своего дядюшки, а авантюриста, оказавшегося баловнем судьбы. Так его фигура представлена в «Les châtiments» [«Наказаниях»]. В то же время *bohème dorée* [золотая богема] видела в его шумных празднествах, в пышном дворе, которым он себя окружил, воплощение своих мечтаний о «свободной» жизни. Мемуары, в которых граф Вьель-Кастель описывает окружение императора, изображают людей вроде Мими и Шонара⁴⁴ вполне почтенными обывателями. В верхних слоях общества хорошим тоном был цинизм, тогда как в низших – бунтарские мысли. Виньи⁴⁵ в «Элоа», следуя за Байроном, прославляет в гностицистском духе падшего ангела, Люцифера. С другой стороны, Бартельми⁴⁶ в «Немезиде» приписывает сатанизм господствующему классу; он заставляет их читать мессу *agio* [банковскому проценту] и петь ренте *псалом*⁴⁷.

Двойственный облик сатаны прекрасно известен Бодлеру. У него сатана говорит не только за тех, кто внизу, но и за тех, кто наверху. Маркс едва ли мог желать лучшего читателя для следующих строк. «Когда пуритане, – говорится в „Восемнадцатом брюмера“, – на Констанцском соборе пожаловались на греховность папского образа жизни <...>, кардинал Пьер д'Айи гневно обрушился на них: „Лишь дьявол собственной персоной может спасти католическую церковь, а вам ангела подавай“. Так и французская буржуазия восклицала после

ваться Иегове и стремиться узнать истинного, неизвестного бога. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁴² I. P. 138.

⁴³ Jules Lemaître. *Les contemporains. Etudes et portraits littéraires.* 4e série. P. 30.

⁴⁴ Мими и Шонар – персонажи книги французского писателя Анри Мюрже (1822–1861) «Сцены из жизни богемы» (1851), которая послужила основанием для оперы Пуччини «Богема». – *Примечание Александра Белобратова.*

⁴⁵ Де Виньи, Альфред Виктор (1797–1863) – французский писатель-романтик, автор поэм, посвященных идеализированной любви и страданиям разочарованного героя. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁴⁶ Бартельми (Бартелеми), Огюст (1796–1867) – французский поэт-сатирик, высмеивавший королевский двор и церковь. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁴⁷ А.-М. Barthélémy. *Némésis. Satire hebdomadaire.* Paris, 1834. T. 1. P. 225 («L'archevêché et la bourse»).

государственного переворота: „Лишь глава Общества 10-го декабря может спасти буржуазное общество! Лишь кража спасет собственность, лжесвидетельство – религию, блуд – семью, беспорядок – порядок“»⁴⁸.

Бодлер, поклонник иезуитов, и в часы мятежности не желал полностью и навсегда расставаться с этим спасителем. Его поэзия оставила за собой право на то, от чего и проза его не отказывалась. Потому в ней и появляется сатана. Ему она обязана утонченной силой не отказываться совсем – даже в минуты отчаянного протеста – следовать за *ним*, притом что разум и человечность протестовали против этого. Слова благочестия почти всегда вырываются из уст Бодлера как боевой клич. Он не желает расстаться со своим сатаной. Он – истинное оружие в борьбе, которую Бодлер постоянно вел со своим неверием. Дело не в святынях и молитве, дело в люциферовой привилегии поносить сатану, в руки которого Бодлер себя отдал.

Поддерживая дружеские отношения с Пьером Дюпоном⁴⁹, Бодлер стремился заявить о себе как о социальном поэте. Критические сочинения д'Оревийи⁵⁰ дают представление об этом авторе: «В этом таланте и в этом уме Каин одержал верх над кротким Авелем – жестокий, изголодавшийся, исполненный зависти и дикий Каин, отправившийся в города, чтобы упиться хмелем злобы, который там бродит, и причаститься ложным идеям, празднующим там триумфы»⁵¹.

Эта характеристика совершенно точно указывает на то, что связывало Бодлера с Дюпоном. Подобно Каину, Дюпон «отправился в города», расставшись с идиллией. «Песня, как ее понимали наши отцы <...>, да и простой лирический напев не существуют для него»⁵².

Дюпон почувствовал кризис лирической поэзии, начавшийся с прогрессирующим разрывом между городом и деревней. Одна из его строк невольно это выдает; он говорит, что поэт попеременно «внимает то лесам, то толпе». Массы отплатили ему за его внимание; в период революции 1848 года Дюпон был у всех на устах. Когда завоевания революции были утрачены одно за другим, Дюпон сочинил свою «Песню о голосовании». В политической лирике того времени мало что может сравниться с ее рефреном. Он – лист лаврового венка, который, по Марксу, заслужило «угрожающе мрачное чело»⁵³ борцов Июньской революции.

Fais voir, en déjouant la ruse,
O République! a ces pervers,
Ta grande face de Méduse
Au milieu de rouge éclairs!⁵⁴

[Опять для нас готовят узы...
Но ты, порвав сплетенья лжи,
Республика, свой лик Медузы,
Им в блеске молний покажи!

⁴⁸ Marx K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, op. cit. S. 124.

⁴⁹ Дюпон, Пьер (1821–1870) – французский поэт-песенник, введивший в свои произведения революционные и утопические мотивы. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁵⁰ Барбе д'Оревийи, Жюль-Амеде (1808–1889) – французский романист и влиятельный критик, в свое время являлся законодателем литературного вкуса. Он нормандского знатного рода и всю жизнь гордо оставался нормандцем по духу и стилю: был не признающим демократию и материализм роялистом и рьяным, хотя и не ортодоксальным католиком. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁵¹ J. Barbey d'Aurevilly. Les oeuvres et les hommes. 3e partie: Les poètes. Paris, 1862. P. 242.

⁵² Pierre Larousse. Grande dictionnaire universel du XIX siècle. T. 6. Paris, 1870. P. 1413 (Article «Dupont»).

⁵³ Marx K. Dem Andenken der Juni-Kämpfer. Cit. nach: Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Ein Sammelbuch. Hrsg von D. Rjazanov. Wien – Berlin, 1928. S. 40.

⁵⁴ Pierre Dupont. Le chant du vote. Paris, 1850 (Пагинация отсутствует).

(Перевод В. Дмитриева)]

Актом литературной стратегии было введение, написанное Бодлером в 1851 году к одному из выпусков стихотворений Дюпона. В нем можно обнаружить следующие диковинные высказывания: «Смехотворная теория школы искусства для искусства исключила мораль, а зачастую и страсть; оттого она не могла не оказаться бесплодной». И далее, явно с намеком на Огюста Барбье⁵⁵: «Когда объявился поэт, несмотря на отдельные случайные неудачи почти подтверждавший свое величие, и возвестил святость Июльской революции, а затем столь же пламенными строками описал нищету в Англии и Ирландии, <...> вопрос был решен раз и навсегда, и отныне искусство стало неразделимым с моралью и пользой»⁵⁶.

В этом нет ничего от той двойственности, которая окрыляла собственную поэзию Бодлера. Она проникалась интересами угнетенных, причем их иллюзиями в той же мере, что и их делом. Она прислушивалась к песням революции, но и к тому «высшему голосу», который слышался в барабанной дробі экзекуций. Когда Бонапарт путем государственного переворота приходит к власти, Бодлера на мгновение охватывает возмущение. «Но затем он начинает смотреть на события „с точки зрения провидения“ и смиряется, словно монах»⁵⁷.

«Теократия и коммунизм»⁵⁸ были для него не убеждениями, а голосами, каждый из которых пытался склонить его слух на свою сторону: один из них был не столь ангельским, а другой не столь уж адским, по его мнению. Прошло немного времени, и Бодлер отказался от своего революционного манифеста. По прошествии нескольких лет он пишет: «Дюпон обязан своими первыми песнями грации и женственности своей природы. К счастью, революционная активность, захватившая тогда почти всех, не полностью сбила его с естественного пути»⁵⁹.

Резкий разрыв с искусством для искусства был значим для Бодлера лишь как жест. Он позволил ему обозначить территорию, свободную для него как литератора. В этом он опередил авторов своего времени – не исключая крупнейших из них. Отсюда становится ясно, в чем было его превосходство над литературной повседневностью, которая его окружала.

Литературная жизнь полтора века вращалась вокруг литературных журналов. К концу первой трети девятнадцатого века положение начало меняться. Благодаря введению литературного раздела художественная литература получила рынок сбыта в ежедневной газете. Появление этого раздела подвело итог изменениям, которые принесла Июльская революция прессе. Отдельные номера газет во время реставрации продавать не разрешалось; газету получали только подписчики. Тем, кому была не по карману подписная цена в 80 франков, оставалась одна возможность – кафе, где за одной газетой нередко собиралось несколько читателей. В 1824 году в Париже было сорок семь тысяч подписчиков ежедневных газет, в 1836-м – семьдесят, а в 1846-м – двести тысяч. Решающую роль в этом стремительном взлете сыграла газета Жирардена «La Presse». Ее отличали три важных нововведения: снижение подписной цены до 40 франков, введение отдела объявлений и публикация романов с продолжением. Одновременно краткая, дробная информация начала конкурировать с пространными репортажами. Она привлекала меркантильной полезностью. Дорогу ей торила так называемая *géclame*: под ней понимали, по видимости, беспристрастные, на деле же оплаченные издателем заметки в редакционной части, обращавшие внимание на книгу, которой накануне или даже в том же номере было посвящено отдельное объявление. Сент-Бёв уже в 1839 году жаловался на их

⁵⁵ Барбье, Огюст (1805–1882) – сатирический поэт, воспевавший Июльскую революцию во Франции. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁵⁶ II. P. 403–405.

⁵⁷ Paul Desjardins. Poètes contemporains. Charles Baudlaire. – In: *Revue bleue. Revue politique et littéraire.* 3e série, t. 14, 24me année, 2e semestre, N 1, 2 juillet 1887. P. 19.

⁵⁸ II. P. 659.

⁵⁹ II. P. 555.

воздействие, разрушающее мораль. «Разве можно было разносить в пух и прах» в разделе критики «произведение <...>, о котором несколькими строками ниже утверждалось, что оно представляет собой эпохальный шедевр. Притягательная сила становящегося все более крупным шрифта объявлений не знала преград: она становилась магнитной горой, отклоняющей стрелку компаса»⁶⁰.

Эта «*gécleme*» знаменует начало развития, завершением которого стала биржевая колонка в газетах, оплаченная заинтересованной стороной. Едва ли история газетной информации может быть написана в отрыве от истории коррупции прессы.

Места для информации требовалось немного; именно она, а не политическая передовая статья или роман с продолжением давали газете возможность ежедневно – в сочетании с умело варьируемой версткой – менять свой облик, что составляло часть ее внешней притягательности. Газета должна была постоянно обновляться; городские сплетни, театральные интриги, а также «полезные сведения» были ее излюбленными источниками. Присущая ей непритязательная элегантность, ставшая столь характерной для литературного раздела, примечается за ней с самого начала. Мадам Жирарден в своих «Парижских письмах» приветствует появление фотографии: «Сейчас многих занимает фотография – изобретение господина Дагера, и нет ничего уморительнее разъяснений, которые наши салонные ученые дают по ее поводу. Господин Дагер может быть спокоен, его тайну у него никто не похитит <...>. Действительно, его открытие удивительно, но никто в нем толком ничего не понимает: слишком уж часто нам его растолковывали»⁶¹. Не так скоро и повсеместно нашел признание стиль газетной эссеистики. В 1860 и 1868 годах в Марселе и Париже были изданы два тома «*Revue parisiennes*» [«Парижского обозрения»] барона Гастона де Флотта. Его задача заключалась в борьбе с небрежностью исторических сведений, в особенности в литературных отделах парижской прессы. В кафе во время аперитива происходило потребление газетной информации. «Привычка пить аперитив <...> установилась с появлением бульварной прессы. Прежде, когда существовали лишь большие, серьезные газеты <...>, время аперитива не существовало. Оно стало логическим следствием „Парижской хроники“ и городских сплетен»⁶².

Атмосфера кафе задавала редакторам темп службы новостей еще до того, как была изобретена соответствующая техника. Когда к концу Второй империи стал действовать электрический телеграф, бульвар утратил свою монополию. Отныне сообщения о происшествиях и преступлениях поступали со всего света.

Таким образом, адаптация литератора к обществу, в котором он находился, происходила на бульваре. Там он сталкивался с любым происшествием, с последней остротой или последним слухом. Там он раскрывал во всей красе свои отношения с коллегами и бонвиванами, при этом он зависел от эффектности производимого впечатления так же, как и кокетки от своего искусства одеваться⁶³.

На бульваре проводит он свое свободное время, которое выставляет перед людьми как часть своего рабочего дня. Он ведет себя так, будто научился у Маркса тому, что стоимость любого товара определяется общественно необходимым временем, затраченным на его изготовление. В результате стоимость его собственной рабочей силы ввиду продолжительного безделья, которое в глазах публики предстает необходимым для совершенствования этой силы, приобретает почти фантастические масштабы. Не одна только публика склонялась к подобным оценкам. Высокие гонорары за публикации в литературном отделе газеты показывают, что эти

⁶⁰ Sainte Beuve. De la littérature industrielle. – In: *Revue des deux mondes*, 4e série, 1839. P. 682–683.

⁶¹ Mme Emile de Girardin née Delphine Gay. *Oeuvres complètes*. T. 4: *Lettres parisiennes 1836–1840*. Paris, 1860. P. 289–290.

⁶² Gabriél Guillemot. *Le bohème. Physionomies parisiennes. Dessins par Hadol*. Paris, 1868. P. 72.

⁶³ «Немного присмотревшись, можно было легко обнаружить, что девушка, появляющаяся в восемь часов богато одетой, в элегантном костюме, – та же, что в девять предстает гризеткой, а в десять одевается крестьянкой» (F. – F. – A. Beraud. *Les filles publiques de Paris, et la police qui les régît*. Paris-Leipzig, 1839. T. 1. P. 51).

оценки были обусловлены общественными отношениями. И в самом деле, между понижением подписной платы, развитием отдела объявлений и растущим значением литературного отдела существовала связь.

«В силу новых обстоятельств» – снижения подписной платы – «газета должна жить за счет объявлений <...>. Чтобы получить много объявлений, необходимо, чтобы та часть полосы, что стала доской объявлений, попала на глаза как можно большему числу читателей. Появилась потребность в приманке, обращенной ко всем безотносительно их личного мнения и замечающей политику любопытством <...>. Как только была задана исходная точка, подписная цена в 40 франков, то с почти полной уверенностью дорога вела через объявления к роману с продолжением»⁶⁴.

Именно этим объясняются высокие гонорары литературного отдела. В 1845 году Дюма заключил с газетами «Constitutionnel» и «Presse» договор, по которому ему в течение пяти лет обязались выплачивать ежегодный гонорар не менее 63 тысяч франков при минимальной ежегодной продукции в восемнадцать томов⁶⁵.

Эжен Сю получил за «Парижские тайны» аванс в 100 тысяч франков. Гонорар Ламартина⁶⁶ за период с 1838 по 1851 год составил, согласно имеющимся подсчетам, до 5 миллионов франков. За «Историю жирондистов», сначала появившуюся в газете, он получил 600 тысяч франков. Сногшибательные гонорары за расхожий литературный товар, разумеется, приводили к злоупотреблениям. Случалось, что издатели, приобретая рукопись, оставляли за собой право подписывать ее именем другого автора по своему усмотрению. Это предполагало, что некоторые удачливые романисты со спокойной совестью позволяли использовать свое литературное имя. Более подробно об этом можно прочесть в памфлете «Fabrique de romans, Maison Alexandre Dumas et Cie» [«Фабрика романов, Торговый дом Александра Дюма и Ко.»]⁶⁷.

В «Revue des deux mondes» писали тогда: «Кто упомянет заглавия всех книг, подписанных господином Дюма? Знает ли он их сам? Если он не ведет грессбух с колонками „дебет“ и „кредит“, то наверняка <...> забыл не одно из своих детищ, для которых он является законным, незаконным или приемным отцом»⁶⁸.

Поговаривали, что Дюма держал у себя в подвале целую команду нищих литераторов. И через десять лет после того, как об этом написали большие журналы, в 1855 году, в небольшом божественном листке можно прочесть следующее живописное изображение удачливого романиста, которого автор именует де Санти: «Вернувшись домой, де Санти тщательно запирает входную дверь <...> и открывает маленькую потайную дверцу, скрытую за библиотекой. Так он попадает в довольно грязное, плохо освещенное помещение. Там сидит человек со спутанными волосами, с длинным гусиным пером в руке, поглядывающий мрачно, но подобоострастно. В нем за версту можно узнать прирожденного романиста, хоть он всего лишь бывший министерский чиновник, познакомившийся с искусством Бальзака благодаря чтению „Constitutionnel“. Он и есть подлинный автор „Комнаты скелетов“, он и есть романист»⁶⁹⁷⁰.

⁶⁴ Alfred Nettement. Histoire de la littérature française sous le Gouvernement de Juillet. 2e éd. Paris, 1859. Т. 1. P. 301–302.

⁶⁵ См. Ernest Lavisse. Histoire de France contemporaine. Depuis la révolution jusqu'à la paix de 1919. Т. 5: S. Charléty: La monarchie de juillet (1830–1848). Paris, 1921. P. 352.

⁶⁶ Ламартин, Альфонс (1790–1869) – французский поэт-романтик, политический деятель. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁶⁷ Eugène de [Jacquot] Mirecourt. Fabrique de romans. Maison Alexandre Dumas et Compagnie. Paris, 1845.

⁶⁸ Paulin Limayrac. Du roman actuel et de nos romanciers // Revue des deux mondes. Т. 11. 14e année, nouvelle série, 1845. P. 953–954.

⁶⁹ Использование литературных «негров» не ограничивалось романом с продолжением. Скриб* держал для написания диалогов своих пьес целый ряд анонимных сотрудников.* Скриб, Эжен (1791–1861) – французский драматург, автор многочисленных пьес, в т. ч. на исторические темы. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁷⁰ Paul Saulnier. Du roman en général et du romancier moderne en particulier // Le bohème. Journal non politique, 1re année, N 5, 29 avril 1855. P. 2.

В период Второй республики парламент пытался бороться с засильем газетной литературы. Был установлен налог: сантим за каждый номер газеты с продолжением романа. После введения реакционных законов о печати, ограничивших свободу слова и потому придавших литературному разделу газеты еще большее значение, это положение вскоре утратило силу.

Высокие гонорары за литературные публикации в газетах в сочетании с выходом на широкую публику приносили их авторам большую популярность. Кое-кому представлялось возможным соединить имеющиеся у него славу и средства – и политическая карьера открывалась для него сама собой. Отсюда появлялись новые формы коррупции, и последствия их были серьезнее, чем злоупотребление именами известных авторов. И если уж у литераторов пробудилось политическое честолюбие, то режим поспешил направить его по верному пути. В 1846 году Сальванди, министр колоний, предложил Александру Дюма предпринять за счет правительства – на это было выделено 10 тысяч франков – поездку в Тунис, чтобы заняться пропагандой колонизации. Экспедиция оказалась неудачной, стоила немалых средств и закончилась малым депутатским запросом в парламенте. Более удачливым был Сю, не только увеличивший в результате успеха своих «Парижских тайн» число подписчиков «*Constitutionnel*» с 3,6 тысячи до 20 тысяч, но и избранный в депутаты голосами 130 тысяч парижских рабочих в 1850 году. Пролетарские избиратели выиграли от этого немного; Маркс назвал выборы «сентиментально смягчающим комментарием»⁷¹ предшествовавшего им распределения мандатов. Если литература таким образом могла послужить началом политической карьеры привилегированных авторов, то и карьера эта, в свою очередь, могла быть использована для критического анализа их произведений. Примером этого служит Ламартин.

Решающие удачи Ламартина, «*Méditations*» [«Медитации»] и «*Harmonies*» [«Гармонии»], относятся ко времени, когда французское крестьянство еще пользовалось захваченными землями. В наивных стихах, обращенных к Альфонсу Карру⁷², поэт сравнивает свое творчество с трудом виноградаря:

Tout homme avec fierté peut vendre sa sueur!
Je vends ma grappe en fruit comme tu vends ta fleur,
Heureux quand son nectar, sous mon pied qui la foule,
Dans mes tonneaux nombreux en ruisseaux d'ambre coule,
Produisant à son maître, ivre de sa cherté,
Beaucoup d'or pour payer beaucoup de liberté!⁷³

[Любой свой тяжкий труд продать и горд, и рад!
Ты свой цветок продашь, а я – свой виноград;
Он под моей ногой становится нектаром
И сладким янтарем течет по бочкам старым,
И виноградаря хмелит его цена:
Свободу золотом он оплатил сполна!

(Перевод М. Яснова)]

Эти строки, в которых Ламартин восхваляет свои успехи как подобные крестьянским и хвалится гонорарами, которые ему приносит его продукция на рынке, достаточно красноре-

⁷¹ Marx. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, op. cit. P. 68.

⁷² Карр, Альфонс (1808–1890) – французский писатель и журналист. – *Примечание Александра Белобратова.*

⁷³ Alphonse de Lamartine. (Oeuvres poétiques complètes. Ed. Guyard. Paris, 1963. P. 1506 («Lettre à Alphonse Karr»)).

чивы, если рассматривать их не столько с моральной стороны⁷⁴, сколько как выражение классового чужья Ламартина. Это было чужье мелкоземельного крестьянства. В этом заключена часть истории поэзии Ламартина. Положение мелкоземельного крестьянства стало в сороковые годы критическим. Его тяготило долговое бремя. Его земельные участки на деле находились уже «не на так называемых родных просторах, а в ипотечных списках»⁷⁵.

Тем самым крестьянский оптимизм, основа светлого взгляда на природу, свойственного лирике Ламартина, пошатнулся. «Если вновь возникавший надел, пребывавший в гармонии с обществом, зависимый от природных сил и подчиненный власти, защищавшей его своим авторитетом, естественно предполагал религиозный настрой, то измученный долгами, находящийся в разладе с обществом и властью, принуждающий к труду сверх сил надел естественно рождает антирелигиозный настрой. Небо было прелестным приложением к только что обретенной полоске земли, тем более что от него зависит погода; и оно становится оскорблением, когда его начинают навязывать в качестве замены земельного надела»⁷⁶.

В открытом письме Ламартину ультрамонтаньяр Луи Вейо пишет: «Разве Вам не известно, что „быть свободным“ должно значить скорее: презирать блеск золота! А чтобы обеспечить себе свободу того рода, которая покупается золотом, Вы творите книги на тот же коммерческий манер, что овощи или вино!» (Louis Veuillot. Pages choisies avec une introduction critique par Antoine Albalat. Lyon-Paris, 1906. P. 31.)

⁷⁴ В открытом письме Ламартину ультрамонтаньяр Луи Вейо пишет: «Разве Вам не известно, что „быть свободным“ должно значить скорее: презирать блеск золота! А чтобы обеспечить себе свободу того рода, которая покупается золотом, Вы творите книги на тот же коммерческий манер, что овощи или вино!» (Louis Veuillot. Pages choisies avec une introduction critique par Antoine Albalat. Lyon-Paris, 1906. P. 31).

⁷⁵ Marx. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, op. cit. P. 122–123.

⁷⁶ Marx. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, op. cit. P. 122.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.